

АВТОПОРТРЕТ В ПЕЙЗАЖЕ

А.Р

Степь,
Пахнувшая чистой
Хлопчатобумажной футболкой
На теле любимого мужчины,
Который был до тебя
Жизнь назад.
Змея на дороге,
Полная яда,
С глазами рассерженной прачки.
Или где я могла видеть женщину
С таким же злым и бессильным взглядом?
Может быть, она была подавальщицей
Или посудомойкой в заводской столовой?
Не помню.
Кузнечик
С внимательным взглядом зелёных глаз
Инопланетянина,
Играющего со мной в салки.
Река,
Названная по имени
Монгольской девочки,
Тысячу лет назад влюбившейся в русского князя
И здесь утонувшей, –
Ахтубой.
Журавль,
Отставший от стаи,
Жалкий, словно после похмелья,

На другом берегу,
А на этом –
Ворона,
Терзающая брошенный кем-то пакет
С надписью «Мальборо»,
И я
На остывшем песке
Любящая тебя.

* * *

Я выпала
Из мира людей,
Выпала
Из жизни,
Как мальчик-эпилептик, сын моего знакомого,
Из окошка шестого этажа:
Его позвали *голоса*,
Пообещав вылечить.
Выпала,
Осталась одна,
Никого уже не люблю.
Ни с кем не дружу,
Не пишу,
Не дышу.
Брожу по улицам города,
Словно душа
Неприкаянная
После смерти.
Бредёт,
Греется под
Осенним
Последним солнышком.

В честь князя, как солнышко алого,
названный город. Автобус часа через два. Жара.
Маюсь. Подкатывается бомжара:
– Меня зовут Валерий Павлович! Как Чкалова.
А хотите увидеть чудо?..

Начал вдруг падать. Голодный обморок.
Подхватываю его, вдыхая миазмы. Очухивается:
– Извините. Я учился в местном вузе
вместе с Венечкой Ерофеевым,
слыхали? Мне надо бы похмелиться.
У вас нет двадцати рублей?
В качестве аванса? За чудо. Я отработаю...

Выпивает сто грамм на автовокзале, не закусывая,
и становится добрым молодцем,
будто напился живой воды.
Морщины разгладились. Глаз, как алмаз, – горит.
Румянец играет. Тряхнул кудрями:
– Ну что? Айда за чудом!
Идём за чудом по тропинке мимо свалки.
Заходим в церковь.
Девочка моет полы. В тёмном углу старик с клюкой
зорко смотрит на нас. Чкалов мой присмирел,
дальше идти побоялся.
Стоит у порога. Командует девочке:
Доча! Покажи ей чудо!
Эх ты, Чкалов! Опять напился... –
девочка отжимает тряпку,
вытирает руки. – Пойдёмте! –
Ведёт меня во влажную темноту.
С опаской прохожу мимо старика. Девочка зажигает свечи.
Жду. Из темноты медленно выступает лицо Богоматери.
Чудо! Она плачет!

Стоит в выцветшем платочке, смотрит на небо, где Сын, –
Насмотреться не может, – вчера погребённый – воскрес!
И верить боится. И плачет, и плачет, и плачет.
Падаю на колени. Плачу и радуюсь вместе с ней
целую вечность:

О чудо! Он жив!

Девочка тушит свечи. Пора уходить. Встаю.
Идём к выходу. Девочка говорит:
– А у нас не только эта икона плачет.
У нас все иконы плачут.
Показывает на старика с клюкой в тёмном углу.

Серафим Саровский. Насупленные брови.
Смотрит на меня и девочку, как живой.
Из его серых внимательных глаз катятся слёзы.

ПАМЯТИ ДЯДИ

*Памяти дяди –
Ивана Савельевича Василенко*

Дожить до 83-х,
Пройти две войны –
Германскую и японскую,
Выйти из неё героем
С орденом Красной Звезды
На груди
И выбитым немецким снайпером
Глазом.
Похоронить жену,
Взрослого сына,
Младшего брата,
Почти всех ветеранов войны
Их маленького города, –
Долго умирать
На руках у дочери
В окружении внуков,

Правнуков, племянников
И двух состарившихся
Сестёр, одну из которых
Он будет просить дать
Таблетку, чтобы не мучиться, –
Наконец умереть, –
Выбежать мальчиком
Босиком среди звёзд
И упасть на руки плачущей матери.

* * *

Дом у дороги
Без дверей и окон.
Ржавые колёса сеялки
В зимнем поле.
Чёрная птица
В бездонном небе.
Белая степь, словно
Посыпанная
Баскунчакской солью,
С нарисованными
Детской рукой
Деревьями.
Не красота –
А что-то другое:
Будто в этой картине
Душа ребёнка,
Сироты,
Взятого моей знакомой
Из детского дома
Восемь лет назад
И сбитого пьяным водителем
Позапрошлым летом
(Вон обелиск), –
Бродит здесь,
У застывшей реки,
Голышом.

* * *

Декабрь,
Как дроги
Траурные,
Тащится.
Дотянуться б
Рукой
До лета –
До мальчика,
Лежащего
На пляже
На горячем песке
В красных плавках.